

Столица Дунфань — Пинси.

Вновь оказаться в Пинси для Ле Чжунлю было равносильно воспоминаниям о некогда приснившемся сне, который он не мог забыть. В мире грёз всё так искренне. Там события далеко не всегда подобны камням на гобане, и ясно можно понять, где правда, а где ложь, где «да», а где «нет».

Тогда, в Пинси, во дворце Дунфань, когда ворота некогда грозного и пугающего людей небесно-земного дворца уже были закрыты, кто мог сказать, дурной ли это сон или же, наоборот, сладкий?

Ле Чжунлю держал в руках тайный приказ Жун Тяня, где впервые ему велели приехать в Пинси и открыть ворота небесно-земного дворца. Однако по-прежнему мрачный дворец Дунфань вызывал у мужчины тяжёлые воспоминания, казалось, что ещё можно смутно услышать совершенно безжизненные голоса цзиши. Вот только кристально чистого голубого небесно-земного озера уже не было.

И чистого, подобно озеру, Лу Даня тоже. Князь Мин стёр с лица небесно-земное озеро, а кто же тогда уничтожил Лу Даня? Долгое время стоя перед озером, которое навсегда утратило былую красоту, Ле Чжунлю всматривался в глубины огромного каменного дворца, храня мрачное молчание.

«Ле Чжунлю, я на ступенях небесно-земного дворца встретился с одним человеком». — Мужчина всё ещё помнил тот день.

Поднявшись с холодных каменных ступеней и вернувшись в маленькую промёрзлую комнату, Лу Дань сказал ему эту фразу, которая была блёклой, едва слышной и единственной. Лу Дань всегда казался холодным, его красота также являлась своего рода морозной, мало кто мог догадаться, что у мужчины на уме, однако очень многие хотели знать, как же выглядел такой красивый человек, когда улыбался. К сожалению, он очень редко это делал, даже живущий с ним год в маленькой комнате небесно-земного дворца Ле Чжунлю тоже очень редко видел его улыбающимся.

В тот день, вернувшись и поведав ему об этой встрече, Лу Дань был, как и всегда, невозмутим. Однако Ле Чжунлю понимал: его друг встретился со своим единственным.

Тон речи Лу Даня звучал слабо, а сама короткая фраза была сказана с таким безразличием, что казалась скучным бормотанием в стенах закрытого небесно-земного дворца, однако все нервы Ле Чжунлю внезапно обнажились, сделавшись чувствительными. С того момента Ле Чжунлю, глядя на Лу Даня, чувствовал, как огромная горечь безжалостно скручивается внутри. Он уже предвидел будущее Лу Даня и, как сам Лу Дань, предвидел судьбу Дунфань.

Его хороший друг являлся прирождённым бойцом, к тому же жизнь Лу Даня была вечной и непрерывной войной, он мог ради этого единственного отдать всего себя до последнего вздоха. Борьба до последнего — такова была судьба Лу Даня, таковой была и его любовь.

«Лу Дань, Лу Дань, ты знаешь, что Ле Чжунлю плачет из-за тебя?»

Стоя перед небесно-земным озером, мужчина спокойно позволил слезам скатиться по щекам в память[1] об умершем близком друге.

Благодаря приказу императора Дунфань — Чу Иня, в тот день Лу Даня перевели из небесно-земного дворца в другое место, и однажды, находясь в той маленькой комнате, Лу Дань сказал:

— Чжунлю, ничтожный небесно-земной дворец не удержит тебя, жди от меня хороших новостей. Однажды я разрушу этот дворец, а до тех пор, не зависимо, где бы ты ни был, обязательно отзовись на мой зов и вернись в Дунфань, где ради меня станешь свидетелем.

Вскоре после этого Лу Дань, став советником Дунфань, тихо выпустил на свободу проведенного год в заточении в стенах небесно-земного дворца Ле Чжунлю. Слишком много ненавистных воспоминаний во всех подробностях воскресли перед глазами. Ле Чжунлю, опустив голову, смотрел, как его слёзы, сорвавшись с ресниц, капали в образовавшееся озеро под ногами.

Небесно-земной дворец уже разрушился, от Дунфань, попавшего в руки Жун Тяня, сохранилось лишь название, а Лу Дань вместе с Чу Инем, которого всей душой защищал господин советник, превратились в истлевшие кости. Ле Чжунлю, тяжело вздохнув, наконец поднял рукав и промакнул слёзы, вытирая глаза насухо, все движения были решительными, но очень медленными, словно мужчина хотел под этим предлогом смахнуть без остатка как прошлое, так и переполнявшую душу печаль.

Проведя сутки у небесно-земного озера, Ле Чжунлю наконец-то медленно вышел, представ перед встревоженным взором толпы, что находилась за воротами.

— Господин министр вышел!

— Господин министр.

Гао Вэньчи кивнул, говоря:

— В самый раз. В разговоре мы немного упоминали даньлиньского государя вместе с его сыном и несколько главных вассалов. Вот только Даньлинь находится за морем, в проливе, где часто появляются морские разбойники, очень трудно обмениваться сообщениями, и следует иметь в виду крайне тяжёлое положение Даньлинь. Господин Лу Дань в двенадцати свитках писал суждения о странах, свиток с суждением о Даньлинь является самым тонким.

— После возвращения господин Вэньчи, найдя записи о Даньлинь, тотчас же отправит их мне, и чем быстрее, тем лучше.

Гао Вэньчи слегка изумился. На что Ле Чжунлю мягко посмотрел на него:

— Господин Вэньчи чего-то не понял?

— Ах, нет. — И Гао Вэньчи спросил совета: — Я, собственно говоря, догадывался, что господин министр захочет спросить с меня, кроме соответствующих записей Дунфань, также и записи о Силэй, но никак не думал, что понадобятся записи о Даньлинь. Простите Вашего подчинённого за излишнее любопытство: почему из одиннадцати стран министр интересуется лишь одним Даньлинь, что находится за пределами общей территории?

Выслушав серьёзно и внимательно вопрос, Ле Чжунлю улыбнулся и со всей безмятежной лёгкостью непринуждённо проанализировал:

— Обстановка в Силэй кому, как не государю, хорошо известна? В этом плане мы богаты нужными сведениями, потому не обязательно спешить обращаться к записям Лу Даня. Что же касается Дунфань, то мнение Лу Даня, который некогда являлся советником умершего Его Величества, непременно затронет за больное. К сожалению, во время вспышки оспы высокопоставленные чиновники, в особенности генералы, умерли от болезни, а кое-кто тяжело ранен, потому государь поменял людей, а влияние знати, у которой отобрали титул, отличается от того, что было ранее, поэтому опираться на мнение Лу Даня, который заострял внимание на прежних министрах, процесс крайне затратный, потому остаётся только ждать нужного для наведения справок часа. Не нужно торопиться, приступая к этому делу сию минуту.

Этот мужчина, которого сам Жун Тянь умолял стать министром Силэй, помимо природной непринуждённости и спокойного вида, обладал ещё искусством управления. Стоя перед всей свитой, что много лет следовала за Жун Тянем, сегодняшний Ле Чжунлю, как доверенное лицо, которое отправилось в одиночку в Дунфань, «примерял» на себе простоту и прибег ко взаимосвязывающему приёму, говоря, основываясь на фактах. При этом сам мужчина ни на волос не ставил себя выше остальных, более того, он не вёл себя как незнакомец, от которого не знали чего ожидать, чем вызывал симпатию у толпы, внезапно отнимая силы у оппозиции сопротивления.

Если говорить о Жун Тяне, то его умение управлять настроением исходило от природы, тогда как Ле Чжунлю обретал свой навык классическим способом — бесчисленной учёбой и изучением, оттачивая глубокие познания в ходе дискуссий. И в данную минуту он, в сравнении с прежним Ле Чжунлю, который строил из себя дурака, бросался в реку, ища смерти, а поздней ночью рыдал у ворот Юэчжун, стал ещё ближе к своей изначально сердечной природе.

Лу Дань...

Прожитый год с Лу Данем заставил мужчину очень сильно измениться и многое понять.

Гао Вэньчи также являлся умным человеком и, услышав речь Ле Чжунлю, тотчас же понял. Действительно, свитки о Силэй и Дунфань сейчас были малозначительными. Вот только Ле Чжунлю на вопрос министра ответил лишь частично.

— Но отчего у господина министра такая особая заинтересованность в Даньлинь? — вновь спросил Гао Вэньчи.

Ле Чжунлю, переместив взгляд на лицо министра, слегка улыбнулся. На что мужчина непринуждённо посмотрел в наполненные мудростью глаза господина министра и несколько неловко в очередной раз задал вопрос:

— Неужели подчинённый лезет не в своё дело?

— Вовсе нет, — тепло улыбнулся Ле Чжунлю, также мягко отвечая, — Вэньчи очень настойчивый[2], и ему нравится все выяснять, что само по себе полезная привычка, я весьма рад. — После небольшой похвалы министр беззаботно обронил: — Я только из-за того хочу в первую очередь посмотреть записи о Даньлинь, что именно сейчас эта страна вызывает у меня огромное опасение, поскольку Даньлинь, это островное государство, скрывает определённую информацию.

Можно было по пальцам сосчитать дни, когда князь Мин без каких-либо несчастных случайностей с помпезностью на роскошных джонках должен был пришвартоваться у берегов государства Тун, которое, кстати, находилось неподалёку от берегов Даньлинь, отделённое лишь проливом.

Согласно оговорённому условию господина Сяо Цзуна, передавшему всё семейное имущество князю Мину, который, в свою очередь, ещё не выкинул детство из головы, но в критических ситуациях может стать потрясающим небо и всколыхнувшим землю[3] князем Мином, он вынужден проложить морской путь, дабы с его помощью перевозить светящийся песок, однако наряду с этим остаются даньлинская знать и крайне свирепые в своей жестокости морские разбойники, с которыми, так или иначе, придётся иметь дело.

Что наверняка крайне увлекательно.

К тому же... Луч надежды промелькнул в глазах министра, вмиг заливая их светом, а сам Ле Чжунлю, неизвестно о чём внезапно подумав, приподнял уголки губ в крайне странной улыбке. Казалось, чем больше он размышлял, тем радостнее становился, и в конце концов мужчина прыснул от смеха.

Гао Вэньчи никак не предполагал, что ещё недавно крайне серьёзный и почтенный министр рассмеётся так, что создастся впечатление, будто это два совершенно разных человека. Смерив Ле Чжунлю недоумевающим взглядом, мужчина изумлённо спросил:

— О чём подумал господин министр, из-за чего так внезапно рассмеялся?

— Я подумал, когда князь Мин вступит на земли Тун, то получит от меня большой «подарок». После того, как «раскроет» его, интересно, какое у него будет выражение лица?

Не знающий истинного положения вещей Гао Вэньчи только и мог предположить:

— Министр отправил подарок, которому князь Мин наверняка найдёт достойное применение. Князь Мин, конечно, будет очень рад и тронут.

— Маловероятно, что применит, — коварно рассмеялся Ле Чжунлю и многозначительно выдал:
— Но могу заверить, путешествие князя Мина в Тун из-за этого подарка станет ещё интереснее.

А тем временем на реке Оман первые из всего каравана мощные и величественные трёхпалубные джонки пришвартовались у берега реки, ведь даже на такой широкой водной глади эти суда занимали почти целую четверть. Если в узкой излучине реки[4] пролегал бы морской путь, то из-за мелководья, вероятнее всего, такие большие джонки остановились бы, мешая другим кораблям беспрепятственно идти дальше.

Не каждый день можно было увидеть настолько величественные джонки, а сейчас враз появились сразу пять кораблей. Благодаря новости, которая быстро облетела все страны, при одном лишь взгляде на такие создавшие шум караваны судов тотчас же можно было догадаться, кто является их хозяином.

Кто?

Помимо сведений о том, что это всемирно известная личность, также разносились слухи, что этот человек почти до небес любим Его Величеством императором Силэй, к тому же говорилось, что он на всё способен, даже император Ли потерпел поражение от князя Мина из Силэй. Разве кто-то ещё способен на подобное?

Ле Чжунлю нисколько не ошибся — караван кораблей князя Мина без каких-либо несчастных происшествий пришвартовался в пятидесяти ли выше берегов Тун, как раз там, где соединялись границы Тун и Юньинь — в маленькой пристани, принадлежащей Тун, под названием Фанди, которая служила для князя Мина и его «банды» первой стоянкой на пути к столице Тун.

Вот только сейчас появилось по меньшей мере две случайности, вынуждающие князя Мина временно приостановить путешествие, бросив якорь, попутно позволив всем повосхищаться прекрасным пейзажем побережья Оман и горными вершинами, как маленькими, так и устремлёнными в небо.

Первая причина — натура крайне суровая.

— В отчётах людей господина Сяо возник явный вопрос, и сейчас мы можем рассчитывать лишь на сведения наших людей, а потому, пока не получим сообщение от Цзы Яня, караван кораблей ни за что не станет «вслепую» приставать к берегам Тун, — данные слова принадлежали Жун Ху.

К тому же это было крайне верным решением. Ведь им действительно необходимо было остановиться на несколько дней и ждать вестей от Цзы Яня.

Вторая причина — натура крайне романтическая.

Отвечающий и поддерживающий связь со старым хозяином Сяо Цзуном — дурным на характер папашей князя Мина — Ло Дэн сообщил князю Мину удручающие новости. Госпожа Яое, взяв с собой Цай Цяна, только что покинула прежнее убежище, вынуждая Сяо Цзуна, который безмерно любил своего внука, немедленно броситься в погоню. Потому Фэн Мин письмо, в котором требовал Вэньлань, не смог своевременно вручить госпоже Яое прямо в руки.

Услышав эти новости, Его Светлость, отыскав Цю Лань и близняшек, подозвал к себе и спросил:

— Что делать?

На что девушки в один голос отозвались:

— Пусть князь Мин решает[5]. — И три пары глаз, наполненные надеждой, уставились на князя.

И Фэн Мин немедля решил:

— Так или иначе нужно дождаться Цзы Яня, после чего будем действовать решительнее и, заполучив Вэньлань, отправимся дальше.

В самом деле, князь бил себя в грудь, давая обещание Ду Фэну уладить дело с Вэньлань и обещая лично передать цветок в руки принцессе Чан Лю. Неизвестно, получила ли эту новость принцесса Чан Лю, но даже если и получила, то наверняка будет ждать всем сердцем и всеми помыслами. В крайнем случае князь всё равно едет в Тун, где случайно может повстречать Её Высочество. Эта по воле судьбы несчастная и печальная принцесса поинтересуется, где находится цветок Вэньлань, и что князь Мин ей ответит?

Перед глазами промелькнула крайне неловкая картина. К тому же это не оправдывает доверия Ду Фэна. Да и самому князю не хотелось портить такое романтическое задание, поэтому он вновь приказал, чтобы Ло Дэн срочно отправил людей разузнать, в какое, в конце концов, ущелье унесла внука госпожа Яое, дабы вновь отправить письмо с просьбой дать Вэньлань, при этом Его Светлость рассчитывал, как только всё уладится, продолжить путь.

Что же касается нынешней стоянки, то Жун Ху, чья первостепенная задача — защищать, естественно, её одобрил, а три главные служанки, лишь обеспечивающие компанию Его Светлости, также единогласно согласились:

— Вот-вот ступим на земли Тун, и в тот момент, когда корабли по приказу Его Светлости остановятся, Ло Нин, этот старый негодяй, не захочет ли снова умерщвлять?

Больше всех беспокоили, конечно же, подчинённые Сяо, в особенности Ло Нин, так как у него было больше власти над всеми его людьми. Столкнуться с ним означало навлечь на свою голову гибель, потому, взвесив все «за» и «против», Его Светлость выдвинул собственное решение:

— Заполучить Ло Юня? — Глаза Жун Ху увеличились, а сам телохранитель Силэй, обнажив на невозмутимом лице задумчивость, нерешительно добавил: — Если он нам поможет, то, конечно, будет неплохо. Вот только... несмотря на то, что эти дни он лично сопровождает князя Мина, его отношение к Его Светлости нельзя назвать учтивым. Боюсь, его будет крайне сложно заполучить.

Однако сам князь по-прежнему относился хорошо к ситуации с Ло Юнем, поэтому сказал со смехом:

— Не проверим, не узнаем. Недавно он, будучи со мной в паре, тренировал искусство меча, и хоть каждый удар имел вес, но я смутно почувствовал, что он специально хочет, чтобы я проявлял как можно больше усердия. Выражение такой настойчивости по отношению ко мне говорит, что в душе он неплохой.

Когда Его Светлость говорил данные слова, стоящие позади него служанки то и дело закатывали глаза.

Отличавшийся от Жун Тяня, Жун Ху и Ле-эра, Ло Юнь никогда не знал, как пишется два простых слова: «быть снисходительным» — и давал волю рукам в тренировочном бою, каждый раз нанося «смертельные» удары князю Мину, который, по его мнению, был слишком изнежен любовью и лаской, а телом совершенно негодный. Потому сойтись в поединке с князем Мином или с простым грубияном — далеко не одно и то же. Только сам князь, встретившись с упрямым характером Ло Юня и спустя столько мучительных дней, ежедневно терпя боль от «ранений», полученных в поединках, неожиданно выдал нечто подобное:

— Я не позволю собственному подчинённому смотреть на себя свысока.

И вопреки всем ожиданиям Жун Ху внезапно одобрил:

— Верно, во время вашей тренировки Ло Юнь был действительно крайне усерден. Он тоже очень внимателен, заметив, что князь Мин может с лёгкостью потерять равновесие, поворачиваясь кругом, последние дни, тренируясь, специально блуждает вокруг князя Мина.

— Ты тоже это заметил? — спросил Фэн Мин. — Тогда решено, Цю Лань, пригласи Ло Юня.

Но не успела Цю Лань что-то сказать, как Цю Юэ опередила подругу:

— Я только что видела его на верхней палубе, пойду поищу его.

Развернувшись кругом и выйдя из комнаты, девушка увидела обходящего дозором палубу Ло Юня и направилась к нему. Цю Юэ, подняв руку, помахала юноше платком, на что Ло Юнь подошёл к ней со словами:

— Чего?

Цю Юэ, увидев его бесстрастный вид, загорелась негодованием, а лицо помрачнело:

— Как чего? Князь Мин ищет тебя, где ты ходишь? Куда ты подевался?

Ло Юнь, услышав это, развернулся и уже было направился напрямик в комнату к Его Светлости. Не ожидав, что он уйдёт без колебаний, служанка спешно схватила юношу:

— Эй, я ещё не договорила.

Ло Юнь обернулся, при мимолётном взгляде на девушку на видном мрачном лице промелькнула шелковинка румянца, губы зашевелились, словно юноша хотел возмутиться, но всё же стерпел и бросил взгляд ясно видящих, где верное, а где белое, глаз, заставляя сердце Цю Юэ затрепетать.

Почувствовав это, девушка поняла, что дёргает Ло Юня за рукав, отчего ещё сильнее помрачнела, после спешно с силой оттолкнула руку, склонила голову, смущаясь и немного злясь, проронила:

— Я лишь хочу тебя предупредить: после того, как войдёшь, при разговоре с князем Мином будь немного вежливее. Он ведь ваш молодой господин, будет... м... если снова... Ха? Я ещё не договорила! — Цю Юэ подняла голову как раз в тот момент, когда силуэт Ло Юня мелькнул в дверном проёме, исчезая.

Злость охватила душу, и служанка даже затопала ногами и, не найдя ничего лучше, направилась за ним. Ло Юнь, в свою очередь, сразу спросил с порога:

— Молодой господин искал меня?

— Ло Юнь, пришёл? — и с редкой уверенностью многозначительно посмотрев на Жун Ху, князь приятно улыбнулся. — Есть одно дельце, нужно услышать твоё мнение. — Осторожно поведав юноше две причины, по которым они сделали вынужденную остановку, Его Светлость спросил: — Что думаешь?

Молча выслушав уверенную речь Его Светлости, Ло Юнь заметил, как князь выжидающе смотрит на него, при этом его глаза сияли, хоть он, молодой господин, и глупый, однако такой взгляд не у каждого можно было увидеть.

Старый хозяин всегда решал и действовал самовластно, и с самого детства Ло Юнь стремился перенять такие непринуждённые манеры, которым никто в мире не смел перечить. Но нынешний молодой господин семейства Сяо был совершенно бесполезным в решениях проблем, поэтому Ло Юнь поначалу хотел выплюнуть пару высмеивающих фраз, однако взглянув на маленькую красную отметину на шее князя, юноша поразмыслил с мгновение и, проглотив то, что хотел сказать, блёкло переспросил:

— И как рассчитывает поступать молодой господин?

— Я рассчитываю ненадолго задержаться у пристани — подожду, когда дела уладятся, и отправлюсь дальше.

— Хорошо.

— Что? — не только Фэн Мин, но даже остальные не ожидали такого благополучного исхода беседы.

Цю Юэ с огромным восторгом посмотрела на юношу, а Фэн Мин задал встречный вопрос:

— Ты тоже считаешь, что остановка необходима?

— Угу, — коротко бросил Ло Юнь,

— Жун Ху, видишь! — охваченный восторгом князь обернулся к телохранителю и подмигнул. — Я же говорил, что Ло Юнь понимающий.

«Набор» заранее подготовленных аргументов неожиданно исчез. После чего князь вновь обернулся и, взглянув на юношу, краем глаза заметил на его лице разочарованный вид, который вскоре исчез, заставляя князя с застывшей улыбкой на губах слегка оторопеть. Его Светлость хотел было открыть рот, но совершенно не знал, что лучше сказать в данной ситуации. А в голове мелькнуло: «Ло Юнь глубоко понимает основное положение, но может случиться так, что однажды назреет конфликт между остальными людьми Сяо, которые будут не согласны с моим решением, как, например, его отец — Ло Нин. При малейшем конфликте останется ли Ло Юнь стоять на стороне справедливости?»

Подобных мыслей вполне достаточно, чтобы Его Светлость оказался в затруднительном положении. Князь знать не знал, что на самом деле, даже если бы остановка не планировалась, Ло Юнь отыскал любой способ, дабы затащить его в земли Тун. Еще он не знал, насколько опасна поездка в Тун, а Ло Юнь опасность чувствовал намного лучше, чем остальные. Князь

также не знал, что сейчас в душе Ло Юня смутно появляется до боли знакомая, нежная, но очень упрямая и незабываемая фигурка... которую он вскоре должен был встретить в затуманенных землях Тун.

Хоть его поведение и было очень странным, однако его согласие уже считалась огромной милостью.

Фэн Мин тут же приказал остановить корабль, ожидая вестей от Цзы Яня насчёт Вэньлань. Приказ немедля облетел весь караван судов рода Сяо, и корабли пришвартовались к берегам реки Оман как раз дней на шесть.

— Хм, похоже...

— Как?

— Похоже, что всё верно.

— Ну вот!

По палубе вновь раскатился до боли знакомый весёлый хохот, а вскоре милый голосок Цю Юэ пронёсся над водной гладью:

— А я говорила тебе! Князь Мин очень умный.

Цю Лань первым делом взяла кисть, готовясь исправлять ошибки, словно учитель, проверяющий экзаменационную работу, развернула только что написанный князем Мином свиток, несколько раз сосредоточенно сравнила с тем, что написано на шёлковом свитке, который лежал на деревянном столике, и только потом довольная опустила смоченную в туше кисть и обратилась к Фэн Мину, слегка склонив голову и мягко со смехом говоря:

— Действительно, это трудно для князя Мина, в Тун много таких странных чиновников, однако, кто бы мог подумать, что Ваша Светлость учтёт это, да ещё напишет, кто чем занимается на своей должности. Будь я на Вашем месте, то у меня уже давно в глазах бы зарябило, не говоря уже о запоминании.

— Правда всё верно? — на красивом лице князя появилась радость, и, вздохнув с облегчением, Фэн Мин проговорил: — В конце концов всё запомнил, я как раз беспокоился, что могу опозориться, приехав в Тун. Имена и ранги этих чиновников в таком беспорядке, что совершенно не идут ни в какое сравнение с Силэй, и если ничего заранее не узнать, то по приезде в Тун можно потерять лицо. Здорово, не зря я два вечера страдал над этой ерундой. — И, взяв поднесённое Цю Син белое полотенце, князь вытер пот с лица.

Текущий сезон уже нельзя было назвать весенним. Чем дальше они направлялись к юго-

востоку, тем теплее становилась погода, даже Фэн Мин начал менять одежду: прохладная шелковая ткань, скроенная в широкий и удобный фасон, красочный пояс по-прежнему свободно опоясывал талию, даже длинные волосы подвязывались простой лентой — подобный внешний вид немного напоминал наряды императорского двора Дунфань.

При порыве свежего ветерка поверхность реки пребывала в удивительном спокойствии. Если внимательно присмотреться вдаль, где небо отражалось в воде, то казалось, что большая часть реки Оман, которая напоминала дракона, погрузилась в золотисто-жёлтый закат. Речная вода, задевая тяжёлые края приставших к берегу кораблей, беззаботно текла дальше вниз.

Если никто не побеспокоил бы, то такой гармоничный с природой день стал бы благодатью.

— Молодой господин, позвольте подчинённому спросить кое-что. — Нарушителем покоя оказался Ло Нин.

Выдержка этого человека считалась неплохой, после того, как корабли на шесть дней встали у берега, мужчина второй раз за всё время поднялся на борт большой и головной джонки, прося аудиенции с Его Светлостью.

— Оказывается, это ты. — Понимая, что прибывший — Ло Нин, Фэн Мин убрал улыбку с лица и, приказав Цю Юэ унести палочки для еды и чашечки, встретил «врага» во всеоружии.

Вот только он не запомнил прибытие этого настырного подчинённого, когда последний потревожил мысли Его Светлости, предлагая составить «компанию Ло Юню в тренировке на мечах», а нет, это звучало так: «Ло Юнь составит компанию Его Светлости в тренировке на мечах». А сейчас каждодневно четыре часа на дню Его Светлость ходил с синим носом и опухшим лицом[6], терпя нападения, и всё благодаря небольшому требованию Ло Нина.

— Что случилось?

— Подчинённый хотел спросить у молодого господина, когда планируете сниматься с якоря и идти в море?

Действительно, это проблема. Стоящий позади Ло Нина Жун Ху подмигнул Его Светлости. Все пребывали долгое время вместе, потому молчаливое взаимопонимание росло с каждым днём, и Его Светлость, конечно же, понял намёк своего телохранителя и, улыбнувшись, обходительно обратился к Ло Нину:

— Главарь Ло Нин пускай не переживает, ведь я еду в Тун, вне всяких сомнений, вот только в настоящее время есть кое-какие нерешённые дела. Потерпите, как только получим письма от матушки и Цзы Яня, сразу же отправимся в путь.

— Госпожа Яое пропала без вести, а этот по имени Цзы Янь за последние дни не прислал ни

единого письма, неизвестно, насколько мы задержимся здесь в таком ожидании. — Ло Нин пристально уставился на Фэн Мина, тон звучал совершенно непоколебимо. — Это путешествие молодого господина уже потрясло все государства, и мы не знаем, сколько людей наблюдают за ходом наших джонок. Сейчас до границ Тун осталось около ста пятидесяти ли, которые можно преодолеть за сутки. А эта остановка может ошибочно дать понять, что молодой господин боится ехать в Тун, тем самым нанося серьёзный удар по репутации моей семьи Сяо.

Опять репутация рода Сяо.

— Ты прав, — обратившись в слух, улыбнулся Фэн Мин. Уже давно предполагалось, что Ло Нин, явившись к Его Светлости, станет упоминать репутацию семьи Сяо, дабы вынудить отправиться в путь. Вот только неоднократно совещавшись с Жун Ху, Цю Лань и остальными приближёнными, все пришли к выводу, что князь Мин должен постараться из нынешнего образа слабого молодого господина слепить более сияющий.

Люди Жун Тяня и люди Сяо Цзуна уже давно конфликтовали между собой, и как говорится, «если скачешь верхом на тигре — слезть трудно» [7]. Зажатый между двумя сторонами князь Мин, если не проявит в дальнейшем капельку упрямства, то рано или поздно может превратиться в самую красивую в мире котлетку.

Потому проявить упрямство прежде всего нужно перед Ло Нином, так как он являлся главарём бесстрашных головорезов Сяо, и твёрдо дать отпор. Конечно же это не значит, что нужно рассориться с ним, проще говоря, надо не лезть под меч Ло Нина.

— Молодой господин, оказывается, понимает, что подчинённый прав, тогда прошу молодого господина приказать сниматься с якоря.

На что Фэн Мин всё же легко улыбнулся. Как этому случиться, близняшки, решившие помочь Его Светлости разработать стратегию, неоднократно давали наказ.

— Князю Мину, при встрече с этим типом из рода Сяо, необходимо улыбаться, так как, улыбаясь, князь Мин становится и впрямь очень красивым, даже самый бессердечный в мире человек не станет поднимать руку и злиться, увидев улыбку Вашей Светлости.

— Неужели молодой господин не осмелится ответить подчинённому? — казалось, всегда сдержанный Ло Нин сейчас не выдержал.

Всю жизнь мужчина являлся членом семьи Сяо и испытывал за это гордость, более того, он смотрел на знать, как на вещи, которые можно потрогать. Горячая кровь, тёкшая в его жилах, и та, что окрашивала остриё меча, была приятной на вкус, жестокость, к тому же эта высокомерность [8] передалась ему, весьма вероятно, от Сяо Цзуна. Разве мужчина мог подумать, что его время и терпение будут тратиться на какого-то молодого господина, у которого молоко ещё на губах не обсохло?

— Не снимусь с якоря.

— Молодой господин, но Вы только что сказали...

— Я только что сказал, что ты прав, имея в виду, если отталкиваться от твоего мнения, то действительно необходимо поднять якорь, — почти идеальные по форме губы князя изогнулись в едва заметной улыбке, которая действительно была приятна глазу. — Вот только моё мнение — с якоря сниматься не стоит.

С холодным лицом Ло Нин приглушённо процедил:

— Прошу молодого господина пояснить.

— Не хочу, — как по классике выбросил одну фразу князь.

— Молодой господин!

Услышав тихий рык Ло Нина, Фэн Мин приказал себе сохранять спокойный взгляд и продолжил улыбаться.

— Главе[9] Ло сначала нужно успокоиться, а потом можно и поговорить. — Подняв руки и разведя их в стороны, Его Светлость выразил, что совершенно не желает враждовать.

Глядя на него, Ло Нин ничего не ответил.

— Не я ли являюсь молодым господином рода Сяо? — спросил Ло Нина князь, продолжая изгибать губы в улыбке.

«Щёки ноют. Одному только Небу известно, что сохранять в течение долгого времени превосходную улыбку и манеры — не такое уж лёгкое занятие».

— Являетесь.

— Караван судов рода Сяо разве не мой?

— Ваш.

— Разве я не имею права отдавать приказы на остановку?

— Имеете. — Ло Нин, с которым шутки были плохи, проронив ответ, незамедлительно вслед

сказал: — Но если молодой господин будет так поступать, он может поднять на смех весь род Сяо, и каждый член семьи Сяо из-за подобной выходки молодого господина станет стыдиться.

— Каждый?

— Верно, каждый член семьи Сяо.

На что князь крайне любезно, что было свойственно характеру, спросил:

— И Ло Юнь, да?

Мужчина изумился, однако его лицо стало ещё мрачнее, а сам главарь холодно проворчал:

— Конечно, и Ло Юнь так же поступит.

— Вот и славно. — Казалось, что князь только и ждал данного ответа и, сложив молитвенно ладони, сопровождая всё громким хлопком, тотчас же ещё ярче улыбнулся, и, обернувшись, позвал: — Ло Юнь.

Стоящий в дверях Ло Юнь, казалось, ни на волос не хотел вступать в разговор отца и молодого господина, пока не услышал, как Его Светлость подзывает к себе, только потом юноша, сделав шаг вперёд, прохладно отозвался:

— Ло Юнь здесь.

— Ло Юнь, — не дожидаясь, пока Его Светлость откроет рот, Ло Нин приглушённо приказал, опираясь на порядок старшинства в роду Сяо и особое отношение Ло Юня, — иди скажи молодому господину всё, что думаешь по этому поводу, раз корабли пришвартовались здесь на шесть дней, а молодой господин не соизволил внятно объяснить, когда отправимся в путь. Не бойся, смело говори всё без утайки, наш род Сяо не говорит, кривя душой.

Десять отобранных специально для князя Мина охранников возглавлял Ло Юнь, выступавший огромным примером волевого молодого поколения мастеров меча семьи Сяо. Его мнение и впрямь могло затмить образ Фэн Мина в глазах множества людей Сяо.

Следовало иметь в виду, что Фэн Мину, этому молодому господину, на самом деле нарисуйся он хоть из воздуха, хоть из-под земли — совершенно никакой разницы не было, в семье Сяо недоставало нужного опыта и ему нужно заполучить уважение превосходного мастера меча, коим обладал прежний хозяин. А у него, князя, было лишь одно — Сяо Цзун признал его своим сыном.

Забегая вперёд, можно оценить ход дальнейшего развития, ведь если желания Его Светлости

из раза в раз будут противоречить желаниям людей Сяо, да и без должной поддержки со стороны князя, то ореол над головой молодого господина однажды может исчезнуть.

— Подчинённый думает, что молодой господин вправе сам решать любые вопросы, касающиеся семьи Сяо.

— Что ты сказал? — не веря своим ушам, Ло Нин уставился на своего сына, гнев и недоумение охватили душу, а зрачки сузились.

Как мог Ло Юнь говорить такое в поддержку этого мальчишки? Фэн Мин же, предвидя ответ телохранителя рода Сяо, сейчас видел выражение лица Ло Нина и едва сдерживался от смеха, вместе с этим лёгкое изумление прокатилось по толпе, когда она наблюдала за сценой под названием «ты кидаешь на меня взгляд, а я и бровью не веду».

Когда гнев улёгся, а ясность ума вернулась, Ло Нин ненадолго отложил дело с Его Светлостью в сторону, так как сначала хотел разобраться с Ло Юнем.

— Молодой господин, мы обсудим позже, когда отправимся в путь. — И, вновь не дожидаясь ответа Фэн Мина, мужчина холодно процедил сыну: — Следуй за мной. — Развернувшись, Ло Нин вышел на палубу.

Нижний этаж большой джонки преимущественно вмещал в себя несколько комнат, некоторые из них отводились не только под всякие вещи, но и под спальни для четырёх-пяти охранников. Ло Нин, спустившись вниз, бесцеремонно направился к самой дальней, скрытой от глаз комнате, и, подойдя, зашёл внутрь. Ло Юнь безразлично следовал сзади.

Когда дверь за ними закрылась, мужчина обернулся. Острый, подобно клинку, взгляд сверкающе-чёрных, как смоль, глаз, окинув с ног до головы, задержался на лице юноши.

— Такой шанс, и ты неожиданно поддерживаешь его? — Сделав несколько шагов, мужчина остановился, пламя гнева уже не одолевало разум, сменившись хладнокровностью убийцы. — Он такой беспомощный и легкомысленный, ты же и сам это видишь. Такой человек, являющийся молодым господином Сяо, к сожалению, уничтожит своими руками вековое доброе имя рода Сяо.

Каждое с печалью произнесённое слово, казалось, долгое время томилось в сердце.

— Неважно, хотим мы того или нет, а он уже является молодым господином Сяо, потому какой прок постоянно унижать его перед членами семьи Сяо? — холодно задал встречный вопрос Ло Юнь.

— Старый хозяин ещё жив! — дрогнул блеск в глазах Ло Нина, а сам мужчина уверенно добавил: — Стоит только старому хозяину передумать, и он в любое время может вернуть себе

отданные ценности, которые потом может передать более достойному человеку.

Мужчина остановился и, посмотрев на почти доросшего до него стройного Ло Юнь, смягчил немного взгляд со словами:

— Когда все люди Сяо возненавидят его, а старый господин поймёт, что князь совершенно не заслуживает расположения рода Сяо, тогда, Ло Юнь, старый господин вспомнит о тебе.

— А, — горько усмехнулся Ло Юнь, — вспомнит обо мне?! — Опустив взгляд, юноша медленно погладил меч, что служил ему долгое время.

С тех пор как юноша обрёл разум, он тотчас же начал упражняться в искусстве меча. На тот момент он был ещё мальчишкой, а меч — длинным и тяжёлым, Ло Юнь, казалось, даже поднимал его с огромным трудом. В конце концов, матушка говорила ему, что он прирождён держать меч в руках.

«Юнь-эр, хорошо обучайся, и однажды ты станешь гордостью своего отца...» — матушка всегда воодушевляла его, лишь выдавался случай, и она обязательно наблюдала, как упражняется в искусстве меча её сын, тщательно рассматривая движения. Стоящая в стороне матушка вдохновлённо смотрела на него, видела, как он с нарастающей уверенностью держит меч, неспешно становясь крайне сильным мастером меча молодого поколения Сяо.

От воспоминаний печально-ожидających глаз взгляд Ло Юнь тоже потух:

— Старый господин никогда не вспомнит обо мне, это лишь бредовые мечты, не более.

— Ло Юнь, Ваша матушка...

— Жун Ху несколько дней назад отыскал меня, — медленно начал Ло Юнь, прервав слова Ло Нина. — Он спросил меня, почему лазутчики Сяо, неоднократно отправленные на разведку в Тун, постоянно возвращаются лишь с новостями о наследном принце Цин Ли, а об царствующем дядюшке — Цин Чжане — ни слова?

— Какое Жун Ху имеет право спрашивать тебя? А почему ты не позволил ему идти и допрашивать вернувшихся лазутчиков?

На что Ло Юнь холодно усмехнулся:

— Поскольку я, в свою очередь, сомневался.

— Ло Юнь?

— Я специально задержал тех, кто вернулся, и тщательно допросил. Они в один голос заявили, что хотят передать ему лишь одну фразу, так как больше новостей нет. И дураку понятно, что им приказали. Вот только кого лазутчики Сяо могут так безропотно слушаться?

Слушая его речь, которая с каждым разом звучала всё более непочтительно, Ло Нин свёл густые брови к переносице:

— И в ком же ты сомневался?

Обнажив строптивость, Ло Юнь не ответил прямо на острый вопрос, наоборот, лишь продолжил говорить:

— Царствующий дядюшка Цин Чжан с наследным принцем Цин Ли боятся за императорскую власть, однако у царствующего дядюшки силы больше. Новости о нынешнем положении в Тун для молодого господина крайне важны, кто осмелился бы скрывать новости, касающиеся благополучия молодого господина или его гибели? Опять же, кто приказал лазутчикам не допустить, чтобы нынешняя ситуация раскрылась?

Ло Нин в ответ зло рассмеялся:

— Молодой господин, молодой господин, мы ради тебя столько стараний прикладываем, но на твоих устах один лишь молодой господин, ты и впрямь решил преклоняться перед этим бездарным мальчишкой?

— Здесь основную роль играет моя матушка, да? — Хоть Ло Юнь задал вопрос, однако тон звучал уверенно, а на постоянно деревянном лице промелькнула шелковинка беспомощной жалости. — Матушка все эти годы управляла сбором информации всех стран, эти лазутчики, ясное дело, являлись её идеей. Дядя[10], скажи правду, матушка отправила своих людей в Тун?

Фэн Мин сильно перепугался бы, окажись сейчас в этой комнате и слыша их разговор. Ведь Ло Юнь и Ло Нин перед людьми Его Светлости, да и перед самим Фэн Мином, всегда называли друг друга отцом и сыном, так почему внезапно Ло Юнь назвал Ло Нина дядей?

Однако Ло Нин, услышав данное прозвище, совершенно не удивился, лишь в душе непринуждённо вздохнул.

С самого детства Ло Юнь рос малоразговорчивым ребёнком, больше сосредоточенным на искусстве меча, не любил обращать внимание на то, что его окружало, но сегодня ради этого так называемого молодого господина лично спросил; хоть слова звучали грубо, однако выражение лица в данную минуту напоминало юную и упрямую младшую сестру.

— Ваша матушка на самом деле уже давно прибыла в Тун, — откровенно ответил Ло Нин, после чего легко вздохнул и постарался объяснить: — Ло Юнь, твоя матушка так поступила только

ради тебя, так как Небо к тебе слишком несправедливо. Фэн Мин не сравнится даже с твоим пальцем, да ещё с какой стати заполучил все-все блага?

— Как раз на основании того, что он является родным сыном госпожи Яое, тогда как моя матушка не госпожа Яое, а Сяо Цзун никогда не любил... Ло Цяньцянь[11].

Ло Цяньцянь. Имя, сорвавшееся с уст Ло Юня, прозвучало крайне ласково. Ни Цю Юэ, ни кто либо другой не могли помыслить, что Ло Юнь способен говорить настолько мягким тоном. Конечно же, так звали его матушку. Его одинокую, несчастную, упрямую, родную матушку.

— Раз уж матушка лично отправилась в Тун, да ещё приказала лазутчикам не выдавать новостей, значит, решила крайне жестоко разобраться с молодым господином. У меня также есть причины не желать, чтобы молодой господин раньше времени ступил на земли Тун.

На что Ло Нин вновь приглушённо спросил:

— Неужели ты хочешь помочь ему?

— До тех пор пока я буду подле молодого господина, ни в коем случае не позволю ей добиться своего. — Подняв голову, Ло Юнь встретился со взглядом дядюшки.

В глубине спокойных глаз, что были подобны самому синему океану, таилось неопишуемое чувство, заставляя Ло Нина прекрасно понять — этот равнодушный ребёнок уже всё решил. Ло Нин видел, как рос этот ребёнок, и понимал глубоко в душе всю ту обиду, что охватывала стоящего перед ним юношу.

Ло Юнь редко озвучивал своё мнение. Однако если высказывался, то до конца придерживался своей позиции. Это передалось ему по материнской крови — идти прямо и бескомпромиссно.

Помолчав, Ло Нин вздохнул и вновь с серьёзностью спросил:

— Ты хочешь, чтобы твой беспомощный и единокровный брат враждовал с твоей матушкой?

— Вы заблуждаетесь. Я так поступаю только ради матушки.

Несмотря на то, что этот молодой господин, этот бездарь, каждый день вместе со служанками насмеяется, и несмотря на то, что он мог разграбить всё имущество рода Сяо и принести хаос в любое дело, его категорически нельзя было убивать. Конечно же, сына Яое. Пусть он бездарен, но он являлся родным сыном Яое, так как она на самом деле была любимой всей душой женщиной Сяо Цзуна. Если Фэн Мин умрёт в руках матушки Ло Юня, то несчастная любовь всей её жизни, Сяо Цзун, может без капли сострадания собственными руками отнять у неё жизнь.

Хоть Ло Юнь не до конца понимал женское беспокойство и ненависть из зависти, которая была направлена на соперницу, однако он точно знал — мужчина ради глубоко любимой женщины сотворит столько сумасшедших и жестоких поступков...

Когда Ло Юнь вместе с Ло Нином в душной комнате раскрыли карты, споря о «беспомощном» и «не идущим ни в какое сравнение даже с пальцем Ло Юня» молодом господине, Фэн Мин как раз сидел в компании трёх служанок и волновался за Ло Юня, утащенного «отцом».

— Князю Мину не стоит волноваться, я предполагаю, что этот мрачнолицый дяденька, Ло Нин, никоим образом не накажет его.

— Верно. К тому же они, в конце концов, отец и сын, лучшее, что может случиться, это побранится, но ни в коем случае... ни в коем случае не выхватит меч и не сделает несколько дырок в сыне.

— Не сделает несколько дырок? — Цю Син охватила дрожь. — Цю Юэ, тебе, когда утешаешь кого-нибудь, обязательно нужно так безжалостно говорить и вгонять в дрожь? Не выдвигай таких предположений, заставляя волосы встать дыбом.

Самая невозмутимая из трёх служанок, Цю Лань, сидя напротив хмурого князя, сказала:

— Если князь Мин так переживает, то следовало бы отправить кого-нибудь вниз и посмотреть. Я считаю, что Цю Юэ права, в конце концов отец и сын в лучшем случае поругаются, сказав друг другу пару слов. Жун Ху, ты согласен?

С того момента, как Ло Нин увёл Ло Юня, свита Его Светлости, как и он сам, больше не хотела развлекаться; не найдя ничего лучше, они вернулись в гостиную, где сели по своим местам. Жун Ху занял место по левую руку от Фэн Мина и, приняв серьёзный вид, задумался.

Взглянув на такого молчаливого Жун Ху, Цю Юэ неожиданно и слегка испугалась, дрогнувшим голосом спросив:

— Жун Ху, неужели даже ты считаешь, что с ним может что-нибудь случиться?

Если хорошенько подумать, то верно, наёмники семьи Сяо славятся как не признающие родства[12] люди. На этот раз Ло Юнь на глазах у всех пошёл против мнения главы банды, высказавшись в пользу князя Мина, и наверняка вкусил плохие плоды[13]. По слухам, если в банде наёмников появился мятежник, то его приговаривают к смертной казни за серьёзное преступление, а если же преступление лёгкое, то могут перерезать сухожилия рук и ног.

Подумав об этом, красавица внезапно изменилась в лице.

— Цю Юэ, ни к чему пугаться так, я молчалив не потому, что переживаю за Ло Юня, а из-за

задумчивости, но всё же чего-то не понимаю. — Жун Ху из-за того, что Цю Лань сильно схватила его за предплечье, только сейчас заметил бледное, словно бумага, лицо девушки, потому поспешил объяснить причину своего поведения. — Вначале Ло Юнь согласился с князем Мином, причём сделал это и впрямь очень легко. Ло Юню не нравится князь Мин, так почему же он внезапно встал на нашу сторону? Следует иметь в виду, что он одним словом не только сбросил со счетов репутацию своего отца, но и заставил остальных членов банды на какое-то время оставить князя Мина в покое и избавиться от постоянного давления с их стороны.

Толпа единодушно кивнула, также находясь в недоумении. Ведь Ло Юнь, этот на самом деле не слишком любимый персонаж, обладал дурным характером, с недовольным лицом говорил либо холодно фыркая, либо даже с холодной усмешкой. Так почему же внезапно стал справедливым и покорно поддержал приказ «молодого господина»?

Спустя долгое время Фэн Мин нарушил молчание и с шелковинкой волнения поинтересовался:

— Может, я своими настойчивыми[14] общительностью и желанием сблизиться всё же растрогал его душу?

Услышав это, Жун Ху вместе с близняшками странно посмотрели на него, отказываясь что-либо говорить. Лишь Цю Лань, являясь очень чуткой служанкой, крайне прерывисто отозвалась:

— Хм... возможно... прожив долгое время с князем Мином... кто знает...

Пока их умы отказывались понимать[15], что происходит, донёсся звук приближающихся шагов.

Все оживились одним махом, в нетерпении посмотрели на двери. Крайне обеспокоенная Цю Юэ внезапно подскочила со стула и сразу же бросилась к занавеске, подняв которую ясно увидела только что прибывшего мужчину и, убрав с лица облегчение, разочарованно проронила:

— А, это ты. Что случилось?

Пришедшим оказался Жань Цин, один из главных охранников семьи Сяо, которого приставили к Фэн Мину:

— Цю Юэ гуньян[16] прошу, вместо подчинённого доложите молодому господину, что рядом с караваном судов появился назвавший себя человеком Цзы Яня гонец из Тун, он передал записку, прося отдать молодому господину.

— Наконец-то новости от Цзы Яня! — Жун Ху поднялся и «вырос» у двери. — Где письмо?

Жань Цин передал послание телохранителю:

— Его уже проверили на яд, а гонец сейчас взят под стражу на главном корабле, всегда можно будет вызвать его сюда и задать вопросы.

Жун Ху, взяв в руки послание, в свою очередь ещё раз внимательно проверил на яд и только потом, развернувшись, вручил Фэн Мину.

— Цзы Янь приехал? Этот малый действует крайне быстро.

Князь, как и остальные, всё это время беспокоился за Цзы Яня, ведь в конце концов сейчас в Тун должны клокотать величественные тёмные воды, а Цзы Янь в одиночку отправился туда, что действительно было опасно.

Услышав, что пришло сообщение от него, князь немного успокоился. Цю Син поторопила:

— Князь Мин, скорее посмотрите, что там написал Цзы Янь?

И все слуги собрались возле держащего письмо Фэн Мина, который немедля его открыл, развернул и, читая, без раздумья сообщил другим:

— Цзы Янь говорит, что уже прибыл в Тун, к тому же встретился там с Мянью Я. В Тун, как Мянью Я и говорил, пока больших изменений не случилось, Цин Чжан вместе с Цин Ли спорят о жизни и смерти императора Цин Дина, знать и сановники тоже разделились на две фракции, здесь написано поимённо, кто поддерживает Цин Чжана... Уа, список настолько длинный? Чиновников Тун очень много-о...

В послании Цзы Яня как раз находилось три тонких шёлка: на первых двух шелках излагались все сведения, которые удалось узнать об императорском дворе, ещё говорилось о маленьком городе, расположенном на границе страны, Фанди и его охране, что неудивительно. Однако, наконец, когда князь Мин обратил внимание на третий шёлк, то удивился, проронив: «О!»

Все слуги опешили, а Жун Ху сосредоточенно отозвался:

— Что, Цзы Янь говорит о чём-то нехорошем?

— Я тоже не понимаю, это что-то хорошее или же нет, — держа послание в обеих руках, буркнул князь. — Цзы Янь говорит, что отправился исследовать побережье, рассчитывая потихоньку начать заранее готовить для меня берег, от которого я отправлюсь прокладывая морской путь для перевоза светящегося песка, и случайно натолкнулся на один купеческий караван Сяо Цзуна.

— Тогда это очень хорошо, — раздался мягкий голосок Цю Син.

— Он рассчитывает показать членам семьи Сяо печать, которую я ему отдал, и позаимствовать несколько больших джонок вместе с опытными моряками, чтобы первым отправиться в пролив Даньлинь, изучая его окрестности.

— А? Похоже на хорошую новость.

— Но... — Фэн Мин бросил взгляд чёрно-блестящих глаз на Жун Ху, надеясь получить неодобрительные эмоции телохранителя, и с горькой улыбкой поинтересовался: — Он говорит о проливе Даньлинь, разве не он как раз кишит очень, того... ик, страшными морскими разбойниками, даже мой отец, Сяо Цзун, потерпел огромную неудачу в проливе Даньлинь, а?

Примечания:

[1] 祭奠(jìdiàn) — цзидянь — обряды и приношения (перед гробом умершего); почтить память (кого-л.).

[2] В оригинале фраза звучит как «гравировать не переставая», обр. в знач.: неотступно, упорно, настойчиво.

[3] Обр. в знач.: потрясающий, поразительный; оглушительный.

[4] Изгиб русла реки.

[5] В оригинале фраза звучит как «цзочжу (zuòzhǔ)» — цзочжу — быть хозяином (своей жизни, судьбы), распоряжаться, решать; брать на себя инициативу.

[6] Об избитой физиономии в синяках и кровоподтёках.

[7] Невозможно остановиться, нет пути назад; оказаться в безвыходном положении.

[8] В оригинале фраза звучит как «ни на кого не смотреть», обр.: смотреть на людей свысока.

[9] В оригинале Фэн Мин называет Ло цзунгуань (洛宗官), что означает «заведовать», «управлять», «осуществлять общее руководство». Также это слово означало начальника дворцового охранного отряда либо начальника знамённого гарнизона (при династии Цин).

[10] Ло Юнь зовёт Ло Нина 舅舅(jiùjiu) — цзюцзю — что означает дядя (со стороны матери), брат матери.

[11] Имя 翡翠 можно перевести как «застывшая роскошная зелень».

[12] О бесчувственном, чёрством человеке.

[13] Образное выражение, имеется в виду «нехороший итог».

[14] В оригинале фраза звучит как «гравировать не переставая», обр. в знач.: обладать упорством и настойчивостью.

[15] 百思不得其解(bǎi sī bù dé qí jiě) — бай сы бу дэ ци цзе — сто раз обдумать и все равно не понять;

уму непостижимо.

[16] В оригинале Жань Цин зовёт Цю Юэ 姑娘 (gūniang, gūniáng) — гуньян/гунья — девушка, молодая леди — частое обращение в Китае к молодым девушкам. Так как мы не нашли, как же вежливее перевести, оставили оригинальный вариант.,

<http://bllate.org/book/13377/1190227>